

чуть было не уничтожил Францию кровавыми и неистовыми сценами революции. Из этого страшного состояния безразличной и пустой субъективности было два выхода: или отказаться от мышления и броситься в другое, еще худшее отвлечение – в непосредственность своего субъективного чувства, или разрешить это ужасное противоречие в области самого мышления: первое сделал Якоби, а второе – Шиллер. Результатом системы Якоби было то, что Гегель называет *прекраснодушием* (Schonseeligkeit) и что бы можно было также назвать *самоослаблением*: это – прекрасная, но бедная, бессильная душа, погруженная в созерцание своих прекрасных и вместе бесплодных качеств и говорящая фразы не потому, чтоб она хотела говорить фразы, а потому, что живое слово есть выражение живой действительности, и выражение пустоты необходимо должно быть так же пусто и мертво. Шиллер, как ученик Канта и Фихте, вышел также из субъективности, которая явно выразилась в двух прекраснодушных драмах его – «Разбойники» и «Коварство и Любовь», где он восстает против общественного порядка. Но богатая субстанция Шиллера вынесла его из отвлеченности, из этого мира пустых призраков, и каждый новый год его жизни был шагом к примирению с действительностью: в своем сочинении об эстетическом воспитании он положил первое основание разумного философского начала как конкретного единства субъекта и объекта. Шеллинг возвел это единство до абсолютного начала, и, наконец, система Гегеля венчала это долгое стремление ума к действительности:

«Что действительно, то разумно и что разумно, то действительно».

Вот основа философии Гегеля, основа, которая нашла еще много противников между призрачными современниками великого берлинского философа, а особенно возбудила негодование в рядах этой смешной юной Германии, которая хотела переделать свое умное отечество по своим детским фантазиям.

Обратимся теперь к Франции и посмотрим, каким образом проявилось в ней это разъединение Я с действительностью. Французы, исключая Декарта и Малербранша, никогда не возвышались до спекулятивного мышления, до умозрения; так называемая философия XVIII века была непосредственным результатом эмпирических исследований; рассуждения французов никогда не выходили из конечных категорий рассудка, только с тою разницею, что немцы, этот по преимуществу умозрительный народ, возвысились над эмпиризмом в отвлеченный элемент чистого рассудка и потому скоро сознали конечность и неспособность его охватить безусловное, абсолютное, и это сознание конечности рассудка было знаком возвышения в высший элемент мышления, в разум, который разрешает в себе противоречия. Французы же никогда не выходили из области эмпирических, произвольных рассуждений, и все святое, великое и благородное в жизни упало под ударами слепого, мертвого рассудка. Результатом французского философизма был материализм, торжество неодухотворенной плоти. Во французском народе исчезла последняя искра откровения. Христианство, это вечное и непреходящее доказательство любви Творца к творению, сделалось предметом общих насмешек, общего презрения, и бедный рассудок человека, неспособный проникнуть в глубокое и святое таинство жизни, отвергнул все, что только было ему недоступно; а ему недоступно все истинное и все действительное. Он требовал ясности, но какой ясности! Не той, которая лежит в глубине предмета, нет! – а на поверхности его; он вздумал объяснить религию – и религия, недоступная для конечных усилий его, исчезла и унесла с собою и счастье и спокойствие Франции; он вздумал превратить святилище науки в общенародное знание – и таинственный смысл истинного знания скрылся, и остались только одни пошлые, бесплодные, призрачные рассуждения; и Жан-Жак Руссо объявил, что просвещенный человек есть развращенное животное¹, и во Франции произошло и должно было необходимо произойти в практической сфере то, что в Германии произошло в теоретической: революция была необходимым последствием этого духовного развращения. Где нет религии, там не может быть государства, и революция была отрицанием всякого государства, всякого законного порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть несколько возвышалось над бессмысленной толпой. Наполеон остановил революцию и восстановил общественный порядок, но он не мог излечить главной болезни Франции: он не возвратил ей религиозного чувства, а религия есть субстанция, сущность жизни всякого государства. И этот недостаток религии есть главная, внутренняя причина призрачности ее теперешнего состояния.

¹ Здесь Бакунин как противник (в эти годы) философии Просвещения повторяет типичную ошибку комментаторов Ж. – Ж. Руссо, которые приписывали ему суждение, что культура, просвещение якобы «развратили» человека, пребывавшего в «естественном состоянии», хотя Руссо на самом деле не доводил антитезу «дикарства» и «культуры» до такой крайности.